

Применение методики «Родительское сочинение» в целях установления родительского отношения при проведении судебной психологической экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей

Полкунова Е.В.

Тамбовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России (ФБУ Тамбовская ЛСЭ Минюста России), г. Тамбов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Представлен опыт применения методики «Родительское сочинение» при производстве судебной психологической экспертизы по семейным спорам. Экспериментальную группу составили 60 человек, проходивших экспертизу с целью определения судом места жительства ребенка или порядка общения с отдельно проживающим родителем (30 женщин в возрасте от 25 до 43 лет и 30 мужчин в возрасте от 28 до 62 лет), контрольную группу — 60 родителей (30 женщин в возрасте от 27 до 45 лет и 30 мужчин в возрасте от 31 до 60 лет). 18 матерей и 8 отцов экспериментальной группы на период исследования проживали совместно с ребенком. Исследование демонстрирует информативность методики «Родительское сочинение» в условиях судебного-экспертного психологического обследования родителей. Наибольшие различия выявились по параметрам: оправдание негативных черт; неблагожелательное отношение к мыслям, чувствам, увлечениям; отношение к ребенку как к равному; отрицание прав ребенка, доминирование, занижение его возраста; ощущение родственности, единства; хорошее знание ребенка.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, интересы ребенка, детско-родительские отношения, родительское сочинение.

Для цитаты: Полкунова Е.В. Применение методики «Родительское сочинение» в целях установления родительского отношения при проведении судебной психологической экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 39–51. DOI:10.17759/psylaw.2022120304

Application of the “Parent Essay” to Study Parental Attitudes in Forensic Psychological Examination

Elena V. Polkunova

Tambov Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Tambov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

The article presents examination data of parental essays' application in a forensic psychological examination in family disputes. There were 60 participants in the experimental group undergoing an examination in court in determining the child's place of residence or the order of meetings with a separately living parent (30 women aged 25 to 43 years and 30 men aged 28 to 62 years), the control group — 60 parents (30 women aged 27 to 45 and 30 men aged 31 to up to 60 years old). 18 mothers and 8 fathers of the experimental group were living together with the child during the study period. The study demonstrates the information content of the “parental essay” in the context of a forensic psychological examination of parents. The greatest differences were revealed in terms of the justification of negative traits; unfavorable attitude to thoughts, feelings, hobbies; treating the child as an equal; denial of the rights of the child, dominance, underestimation of his age; feeling of resonance, unity; good knowledge of the child.

Keywords: forensic and psychological examination, interests of a child, child-parent relationship, parent essay.

For citation: Polkunova E.V. Application of the “Parent Essay” to Study Parental Attitudes in Forensic Psychological Examination. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 39–51. DOI:10.17759/psylaw.2022120304 (In Russ.).

Введение

При разрешении семейных споров, связанных с воспитанием детей, суду необходимо учесть ряд обстоятельств, при установлении которых возникает потребность в специальных знаниях. К таким обстоятельствам относятся, согласно ч. 3 ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации, «отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком». Таким образом, одним из предметов экспертизы является действительное родительское отношение к ребенку [21]; его выявление и оценка представляют наибольшую трудность для эксперта [15]. Оценка родительского отношения в судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизе необходима, в первую очередь, для установления его негативного влияния на эмоциональное состояние и развитие ребенка. Важным является правильное понимание экспертом того, какие именно особенности родительского отношения неблагоприятны для развития ребенка.

Детско-родительские отношения всегда являлись предметом рассмотрения самых различных психологических школ и направлений как ведущий фактор развития личности ребенка — исследовались представителями этологического подхода (К. Лоренц), классического психоанализа (З. Фрейд), неотрейдизма (Э. Эриксон, К. Хорни, Э. Фромм), транзакционного анализа (Э. Берн), теории привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт), теории социального научения (Р. Сире) и другими.

Интерперсональным отношениям ребенка с родителями была отведена значимая роль в теории объектных отношений, представителями которой впервые обоснована идея негативного воздействия на ребенка нарушенных отношений с матерью или замещающим ее взрослым. Такие особенности родительского поведения, как гиперопека, гиперстимуляция, противоречивое или непредсказуемое поведение матери, О. Кернберг рассматривал как предпосылку эмоциональных расстройств во взрослом возрасте [8].

М. Малер, как представитель психоаналитического понимания эволюции объектных отношений, внесла фундаментальный вклад, показав, что адекватная эмоциональная открытость матери и аффективный контакт младенца с ней является необходимым фактором благоприятных условий для формирования психических структур, которые, в конечном счете, способствуют независимому эмоциональному функционированию [11].

Г. Салливан в рамках теории интерперсональных отношений пришел к выводу, что базой нормального психического развития ребенка являются его надежные и эмоционально удовлетворительные отношения с близкими [16].

Дж. Боулби и М. Эйнсворт в результате масштабных эмпирических исследований установили, какое именно поведение заботящегося взрослого благоприятно для развития ребенка и какая форма его привязанности к нему безопасна [2]. В рамках теории привязанности были выделены ее типы, по-разному влияющие на психическое развитие ребенка. Так, привязанность, при которой ребенок осуществляет активную исследовательскую деятельность в незнакомой обстановке, используя мать как «базу», не реагирует отрицательно на приближение незнакомого человека, радостно приветствует мать при ее появлении, считалась М. Эйнсворт надежной привязанностью (*secure*), а пассивное поведение ребенка в незнакомой ситуации даже в присутствии матери, его отрицательная эмоциональная реакция на приближение незнакомого человека, беспомощность и дезориентированность в отсутствии матери и пассивность при ее появлении — ненадежной (*insecure*) [22]. Две формы тревожной привязанности, амбивалентная и избегающая, могут сформироваться из-за неправильного воспитания. Было приложено много усилий, чтобы экспериментально показать, что амбивалентная и избегающая привязанности создают высокий риск возникновения эмоциональных нарушений у детей в будущем и неконструктивных отношений с другими людьми. Теория привязанности породила многочисленные, в том числе лонгитюдные исследования [7; 20].

В отечественных исследованиях подчеркивается ведущая роль взрослого в общении и психическом развитии ребенка, активность ребенка в формировании детско-родительских отношений (Л.С. Выготский, А.Н. Запорожец, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин и др.). Описаны различные варианты родительских установок и отношения: сотрудничество; изоляция; соперничество; псевдосотрудничество; авторитет любви, доброты и уважения; авторитет подавления и др. (А.С. Макаренко) [10]; симбиоз (чрезмерная эмоциональная близость); авторитарность, эмоциональное отвержение (А.Я. Варга) [3]; поддержка; разрешение; приспособление к потребностям ребенка; формальное чувство долга при отсутствии подлинного интереса к ребенку; непоследовательное поведение (В.Н. Дружинин) [6]; позитивная модель поведения, гибкая или уравновешенная, в которой различные приемы используются сознательно, с учетом их последствий (В. Сатир) [17] и др.

Таким образом, влияние родительского отношения на психическое и эмоциональное развитие ребенка существенно, его особенности во многом определяют дальнейшее развитие личности ребенка, и задача его установления является важной судебно-экспертной задачей. При этом в экспертной практике нет единого подхода к ее решению, само родительское отношение понимается по-разному, исходя из многообразия подходов к его определению. В экспертной практике «родительское отношение» предлагается понимать интегративно, как целостную систему разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков, В этом случае оно включает и особенности эмоционально-

го отношения к ребенку, и особенности его восприятия родителем, и способы взаимодействия с ребенком, т. е. эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты [12].

Методический инструментарий для диагностики родительского отношения также разнообразен. Чаще всего для исследования родительского отношения используются анкетирование родителей, тесты-опросники («Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса, «Опросник родительского отношения» А.Я. Варги, В.В. Столина, «Методика изучения родительского отношения» Е.С. Шефер и Р.К. Белла, «Взаимодействие “родитель—ребенок”» И.М. Марковской и др.), которые в экспертной практике не защищены от социальной желательности ответов и могут исказить действительное отношение вследствие проявления установочного поведения [13].

Обзор распространенных в современной психологической практике методов и методик, направленных на исследование родительского отношения, показал, что большинство из них представляют собой самоотчетные тесты и опросники, проективные и полупрожективные методики, предназначенные для диагностики в ситуации психологического консультирования. Большинство разработанных опросных методов позволяют установить либо когнитивный, либо эмоциональный компонент родительского отношения. Поведенческий же компонент родительского отношения может быть установлен только путем включенного наблюдения за взаимодействием родителя и ребенка в различных жизненных ситуациях (либо приближенных к ним, экспериментальных), на что, в частности, направлена «Проба на совместную деятельность» [18; 19].

Актуальной является проблема применения в судебно-психологической экспертизе метода, наиболее адаптированного к экспертным условиям и позволяющего диагностировать особенности родительского отношения к ребенку. Одной из методик исследования родительского отношения в экспертной практике, позволяющих достаточно информативно и надежно решать задачу диагностики особенностей родительской позиции, отношения и типа семейного воспитания, выявить особенности восприятия и переживания родителем характера отношений и взаимодействия с ребенком, является «Родительское сочинение» В.В. Столина [9].

Целью исследования стало изучение с помощью методики «Родительское сочинение» особенностей родительского отношения у разведенных родителей, проходящих судебно-психологическую экспертизу по делам об определении места жительства их детей, в сравнении с родителями из полных, условно гармоничных семей.

Методы исследования

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 120 родителей. Экспериментальную группу составили 60 человек, проходивших экспертизу с целью определения судом места жительства ребенка или порядка общения с отдельно проживающим родителем (из них 30 женщин в возрасте от 25 до 43 лет и 30 мужчин в возрасте от 28 до 62 лет), контрольную группу — 60 родителей (из них 30 женщин в возрасте от 27 до 45 лет и 30 мужчин в возрасте от 31 до 60 лет). Из респондентов экспериментальной группы 18 матерей и 8 отцов на период исследования проживали совместно с ребенком.

Всем участникам исследования было предложено написать сочинение открытого типа в свободной форме на тему «Мой ребенок». Использовался вариант методики «Родительское сочинение» В.В. Столина в адаптации А.И. Тащевой [5].

Как отмечает автор методики В.В. Столин, ее проективный характер требует от эксперта высокой профессиональной культуры и квалификации при интерпретации полученных дан-

ных. Для преодоления проблем интерпретации им была разработана специальная контент-аналитическая процедура на основе выделения смысловых единиц — категорий контент-анализа и их эмпирических индикаторов, присутствующих в текстах респондентов [1]. Исходя из этого, анализ сочинений, написанных родителями, проводился по трем параметрам: «Симпатия—антипатия», «уважение—неуважение», «близость—отдаленность», в которые вошли следующие рубрики:

«Симпатия»: 1) любование, умиление ребенком, одобрение его поступков, благожелательность, удовлетворенность сделанным им; 2) употребление имени ребенка, эмоционально окрашенных слов, ласкательных, уменьшительных суффиксов, его любимых словечек; 3) смягчение или оправдание негативных черт, социальных параметров в характеристике ребенка;

«Антипатия»: 1) негативное отношение к внешности ребенка, негативная оценка черт, даже социально одобряемых, утрирование его отрицательных черт; 2) неблагоприятное отношение к личности, мыслям, чувствам, увлечениям ребенка; 3) раздраженность по поводу динамических черт его поведения, неадекватная раздраженность по отношению к мелочам; 4) негодование, укор, злая ирония по поводу деятельности ребенка, его отношения к взрослым и сверстникам;

«Уважение»: 1) высокая оценка интеллекта, признание достоинств, уважение к занятиям и увлечениям ребенка; 2) указание в личности ребенка социально одобряемых черт; 3) отношение к ребенку как к равному;

«Неуважение»: 1) отрицание способностей, наличия интеллекта, перспектив ребенка; 2) отрицание прав ребенка, занижение его возраста, доминирование, властвование над ним; 3) указание на личностные качества, которые выдают его как неадаптивного (слабый, неответственный, несамостоятельный и пр.);

«Близость»: 1) ощущение родственности, единства (выражения типа «мы», «наш» и т. д.); 2) хорошее знание ребенка (развернутое описание свойств личности ребенка, его мыслей, чувств, мелочей, любимых игр, книг, фильмов, музыки и пр.); 3) оправдание ребенка, скрывание его недостатков;

«Отдаленность»: 1) формальное описание ребенка, перечисление по пунктам его свойств, сухость в описании интимной жизни ребенка; 2) постоянное неупотребление имени ребенка; 3) отстранение, незнание родителями друзей ребенка, его увлечений, забот, проблем, привязанностей.

На первом этапе проводился контент-анализ текстов родительских сочинений в соотнесении высказываний подэкспертных с выделенными автором методики категориями. В зависимости от наличия либо отсутствия в сочинении индикаторов указанных категорий в соответствующей графе таблицы результатов придавалось значение 0—1.

Результаты исследования

Показатели категорий и шкал в целом по каждой группе (абсолютные и относительные) приведены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели отношения у родителей экспериментальной и контрольной групп

Параметры отношения	Матери эксп. группы, N=30	Отцы эксп. группы, N=30	Матери контр. группы, N=30	Отцы контр. группы, N=30
Шкала «Симпатия»	67 (74%)	48 (53%)	47 (52%)	35 (39%)
1 Любование, умиление ребенком, одобрение его поступков	26 (86,6%)	20 (67%)	23 (77%)	28 (93%)
2 Употребление имени ребенка, эмоционально окрашенных слов	23 (77%)	26 (87%)	22 (73%)	5 (17%)
3 Оправдание негативных черт	18 (60%)	2 (7%)	8 (27%)	2 (7%)
Шкала «Антипатия»	22 (18%)	18 (15%)	8 (7%)	12 (10%)
1 Негативное отношение к внешности ребенка, негативная оценка черт характера	0	0	0	0
2 Неблагожелательное отношение к личности, мыслям, чувствам, увлечениям ребенка	16 (53%)	9 (30%)	0	0
3 Раздраженность по поводу динамических черт поведения ребенка, неадекватная раздраженность	4 (13%)	6 (20%)	8 (27%)	12 (40%)
4 Негодование, укор, злая ирония по поводу деятельности и др. ребенка	2 (7%)	3 (1%)	0	0
Шкала «Уважение»	61 (68%)	74 (82%)	50 (56%)	63 (70%)
1 Высокая оценка, признание достоинств, уважение к занятиям и увлечениям ребенка	26 (86,7%)	28 (93%)	23 (76,6%)	30 (100%)
2 Указание в личности ребенка социально одобряемых черт	27 (90%)	28 (93%)	23 (76,6%)	30 (100%)
3 Отношение к ребенку как к равному	8 (26,6%)	18 (60%)	24 (80%)	3 (10%)
Шкала «Неуважение»	18 (20%)	12 (13,3%)	8 (8,9%)	3 (3,3%)
1 Отрицание способностей и перспектив	0	0	0	0
2 Отрицание прав ребенка, занижение его возраста, доминирование, властвование	10 (11%)	4 (4,4%)	2 (2,2%)	1 (1,1%)
3 Указание на неадаптивные личностные качества	8 (26,7%)	8 (26,7%)	6 (20%)	2 (6,7%)

Шкала «Близость»		40 (44,4%)	52 (57,8%)	59 (65,6%)	56 (62,2%)
1	Ощущение родственности, единства	17 (56,7%)	25 (83,3%)	27 (90%)	28 (93,3%)
2	Хорошее знание ребенка	13 (43,3%)	24 (80%)	30 (100%)	28 (93,3%)
3	Оправдание ребенка	10 (33,3%)	3 (10%)	2 (6,7%)	0
Шкала «Отдаленность»		21 (23,3%)	27 (30%)	2 (2,2%)	11 (12,2%)
1	Формальное описание ребенка	7 (23,3%)	10 (33,3%)	0	3 (10%)
2	Постоянное неупотребление имени ребенка	9 (30%)	8 (26,7%)	2 (6,7%)	8 (26,7%)
3	Отстраненность, незнание друзей ребенка, его увлечений, забот, проблем	5 (16,7%)	9 (30%)	0	0

Примечание: наполнение рубрик в таблице приводится сокращенно.

Различия оказались статистически незначимы по критерию Манна—Уитни ($p > 0,05$). Вместе с тем качественный анализ показателей и особенностей выполнения сочинения выявил ряд особенностей. Время, которое затрачивалось на написание сочинения, в целом не различалось в сравниваемых группах. Общий объем написанного сочинения матерями обеих групп был несколько больше по сравнению с отцами, которые не очень охотно выполняли задание. Родители из экспериментальной группы, в основном отцы, чаще испытывали трудности при выполнении задания, ссылались, что плохо писали сочинения в школе, не знают, о чем именно писать, интересовались необходимым объемом текста.

В экспериментальной группе матери и отцы, которые проживали отдельно с детьми на период исследования, нередко использовали жанр письма своему ребенку. Этим письмам были свойственны, например, такие высказывания: *...Думаю, что мы с тобой наладим наши взаимоотношения и будем с тобой вместе. Я уверена, что ты будешь хорошим человеком, успешным в жизни профессионалом, любящей мамой и женой, будешь заботиться о родных и близких тебе людях. ...Ты самая лучшая, внимательная и отзывчивая девочка. Всегда будь и оставайся такой, я тебя очень люблю.*

Родители экспериментальной группы часто описывали текущую, конфликтную ситуацию или негативное влияние на ребенка родителя, проживающего с ним совместно, например: *...Он там подросток, стал много что замечать, высказывать свои мысли, при этом также дерзить, капризничать и возмущаться; ...Если бы моя бывшая жена не клеветала бы на меня моей дочери и не настраивала бы против, то я с дочерью прекрасно бы общался, были бы в большой дружбе и доверии.* Те родители, которые проживали совместно с ребенком, часто вообще не упоминали другого родителя, обходили тему его взаимоотношения с ребенком.

Родители обеих групп в целом позитивно, тепло описывали своих детей, отцы акцент делали на интеллектуальном и личностном развитии, поощряли такие качества и поведение, как достижение успехов, а матери — послушание. Также отцы контрольной группы чаще проявляли раздражение по поводу поведения ребенка в быту, нарушений дисциплины.

Родители обеих групп называли положительные качества своих детей, чаще такие, как доброта, любознательность, коммуникабельность, ответственность, активность, а критически оценивали их лень, упрямство, рассеянность, вспыльчивость. Родителям хотелось видеть

своих детей достигшими успеха и высоких результатов (на первом месте по числу упоминаний), аккуратными, целеустремленными, трудолюбивыми, смелыми, уверенными в себе.

Родители экспериментальной группы содержательнее и чаще, чем родители контрольной группы, говорили о собственном вкладе в ребенка, связывали положительные качества и достижения детей, которыми они гордятся, со своими усилиями, считали их своей родительской заслугой. Например: *...С детского сада именно я занимаюсь воспитанием и проявляю ласку и заботу за моей доченькой; Я с детства прививал им качества быть честными и ответственными и мне это удастся; Я смог привить Саше интерес к шахматам, языку, истории, теперь могу гордиться, что у меня получилось.*

Родители же экспериментальной группы больше репрезентировали близкие, теплые отношения с ребенком и общность «мы».

По параметру «Симпатия—антипатия» в обеих группах родители примерно в равной мере любовались, умилялись ребенком, одобряли его поступки, проявляли благожелательность. Например: *...Мой ребенок как солнышко, от него всегда тепло и ясно; Моя дочь София, самый любимый, желанный, самый лучший ребенок на свете; С рождения Анечка является для меня самым дорогим, светлым, ласковым человеком, она как солнечный лучик для всех.*

При этом в контрольной группе родители смягчали или оправдывали негативные черты и поступки своего ребенка, проявляемые больше на бытовом уровне (не соблюдает режим дня, не убирает постель, не всегда чистит зубы и т. п.) и оправдывали это возрастом ребенка, его незрелостью, некомпетентностью, состоянием, загруженностью и т. д. В экспериментальной группе смягчение или оправдание негативных черт, поступков имело другое проявление в поведении детей и иные причины. Так, чаще описывалось негативное поведение, использовались высказывания в отношении того родителя, который проживал отдельно с ребенком. Причиной негативного поведения родитель считал влияние актуального ближайшего окружения на ребенка, а не его действительное отношение к родителю. При этом порой негативное отношение ребенка к отдельно проживающему родителю оправдывалось негативным поведением самого этого родителя, считалось «заслуженным» им.

Отцы контрольной группы несколько больше любовались ребенком, одобряли его поступки, испытывали удовлетворенность сделанного им. В экспериментальной группе отцы, которые проживали отдельно от ребенка, выражали меньше одобрения к его поступкам, поведению и отношению к родителю, при этом больше использовали ласкательные слова в адрес ребенка.

По сравнению с матерями в экспериментальной группе у отцов смягчение негативных черт ребенка было менее выражено. Например: *...В душе я поняла, что мой сыночек, мой Владик, по-прежнему помнит и любит, где-то глубоко в душе у него остались теплые воспоминания, которые ему нельзя сейчас показать; Я знаю, что она все равно любит меня, ей нужна мама, она сейчас говорит не своими словами.* Вероятно, это обусловлено большим пониманием матерями, живущими отдельно со своим детьми, их эмоционального состояния. С этим же фактором связано проявляемое родителями той же группы негативное отношение к мыслям, чувствам ребенка как «не своим», навязанными извне. Более критично матери, живущие с детьми отдельно, относились к их увлечениям, считали их неподходящими, вредными, а, с другой стороны, также критично относились к отсутствию занятий, способных развить ребенка, воспринимая это как способ усилить доминирование над ребенком со стороны отца, ограничив общение вне диады «отец—ребенок». Такие особенности не

встречались у родителей контрольной группы. В экспериментальной группе родителями, проживающими отдельно, частым являлось описание слабости характера ребенка, неспособность проявить самостоятельность в связи с влиянием окружения. Хорошее знание увлечений, любимых занятий и интересов ребенка особенно полно демонстрировали родители экспериментальной группы, проживающие совместно с ребенком.

В обеих группах не отмечалось негативного отношения к внешности ребенка с негативной оценкой его черт или утрированием отрицательных характеристик.

В контрольной группе раздраженность по поводу динамических черт поведения была связана у родителей преимущественно с повышенной физической активностью ребенка, непослушанием, неаккуратностью, небрежливостью к вещам (*все раскидывает, не ценит, не хочет запомнить, что мальчики должны поднимать сидение унитаза, все пачкает*). Раздражение вызывал беспорядок, неукладывание на место своих вещей, разбрасывание школьных принадлежностей, оставление после себя грязной посуды и т. п. В экспериментальной группе такие особенности практически не проявились.

Выражение негодования или укора, злой иронии по поводу деятельности ребенка, его отношений отсутствовало в обеих группах.

По параметру «Отдаленность» матери экспериментальной группы, которые проживали совместно со своими детьми, несколько чаще, чем матери контрольной группы, описывали ребенка формально, с перечислением его черт характера и рода занятий, без употребления имени ребенка, используя варианты «мой ребенок», «мой сын», «дочь».

Родители экспериментальной группы чаще по сравнению с контрольной солидаризировались со своим ребенком, видели в нем продолжение себя или такие же черты характера. Например: *...В каждом ребенке есть что-то от меня, и я это вижу и мне это очень приятно, видеть продолжение себя; старшая дочь полностью моя душа, один в один такая же ранимая, как я был в детстве, переживательная. Младшая, смотрю на ее руки, они полностью мои!* Матери этой группы несколько занижали возможности своего ребенка, относились к нему более снисходительно, как к маленькому, несамостоятельному, менее выражено было отношение, адекватное возрасту и компетенциям ребенка.

Матери контрольной группы чаще упоминали о недостатках ребенка, не скрывали их, не считали это следствием своей родительской некомпетентности. В то же время матери экспериментальной группы чаще оправдывали ребенка, особенно в ситуации раздельного проживания с ним, списывали недостатки на влияние ближайшего неблагоприятного поведения родственников, подчеркивая несамостоятельность и зависимость ребенка от них.

Кроме того, родители экспериментальной группы часто описывали текущую конфликтную ситуацию или негативное влияние на ребенка родителя, проживающего с ним совместно; содержательнее и чаще говорили о собственном вкладе в ребенка, своих родительских компетенциях, достижениях. Эта же группа больше репрезентировала общность «мы», смягчала, оправдывала негативные черты, поступки детей влиянием актуального ближайшего окружения на ребенка. Негативное отношение ребенка к отдельно проживающему родителю оправдывалось негативным поведением самого этого родителя, считалось «заслуженным» им, а родители, которые проживали совместно с ребенком, часто вообще не упоминали другого родителя. Родители, проживающие отдельно, чаще описывали слабости характера ребенка, неспособность проявить самостоятельность в связи с влиянием окружения, не одобряли увлечений ребенка.

Параметр «Симпатия» чаще встречался у родителей экспериментальной группы, а в рубрике «Оправдание негативных черт» у матерей выявлялась значительная разница. Матери определяли, «оправдывали» негативное поведение ребенка влиянием его актуального ближайшего окружения, ситуацию, в которой он находился на период исследования. По этой же причине, по шкале «Антипатия» в экспериментальной группе у родителей, живущих врозь с ребенком, более выражены особенности в виде неблагожелательного отношения к мыслям, чувствам, увлечениям ребенка, отстраненность, незнание его забот, друзей и т. д. Отцы экспериментальной группы больше проявляли симпатию в виде употребления ласковых слов, имени ребенка.

Родители контрольной группы больше выражали уважительное отношение к ребенку, относились к нему как к равному. Матерям экспериментальной группы, проживающим совместно с ребенком, более свойственно отрицать права ребенка, проявлять позицию доминирования, инфантилизировать ребенка, считая его менее самостоятельным. При этом они чаще декларировали собственный вклад в ребенка, свои родительские компетенции и достижения.

Ощущение родственности, единства, хорошее знание ребенка было более выражено по шкале «Близость» у родителей контрольной группы. В экспериментальной группе родители, проживающие раздельно с ребенком на период исследования, формально описывали ребенка, не проявляли знания его действительных забот, интересов, друзей, что могло быть связано как с объективным отдалением от ребенка в условиях раздельного проживания и препятствий для общения, так и с субъективными причинами (новым браком, появлением в семье ребенка, занятостью и др.).

Выводы

Качественный анализ полученных данных позволяет сделать вывод об информативности методики «Родительское сочинение» В.В. Столина в условиях судебно-экспертного психологического обследования родителей с целью установления их родительского отношения к детям, по поводу места жительства которых идет спор, а также в отношении которых решается вопрос об участии отдельно проживающего родителя в их воспитании. Методика успешно репрезентирует особенности действительного родительского отношения, за счет проективного характера преодолевает ограничения, связанные с социальной желательностью, при глубоком качественном анализе дает эксперту ценную информацию. Безусловно, использование только одной методики при производстве экспертизы не практикуется. Представленные результаты отражают только часть исследования с применением различных средств диагностики родительского отношения. Дальнейший анализ данных будет направлен на сопоставление результатов, полученных с помощью различных диагностических средств, а также на установление различий между родителями, живущими вместе и раздельно с ребенком.

Литература

1. Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб: Речь, 2000. 440 с.
2. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарика, 2003. 447 с.
3. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987. 25 с.
4. Варга А.Я. Тест-опросник родительского отношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы / Под ред. А.Я. Варги, В.В. Столина. М.: МГУ, 1988. 128 с.

5. Диагностика и коррекция детско-родительских отношений: Практикум / Автор-сост. О.Н. Истратова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. 316 с.
6. Дружинин В.Н. Психология семьи. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 208 с.
7. Искольдский Н.В. Исследование привязанности ребенка к матери // Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 146–152.
8. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М.: Класс, 1998. 368 с.
9. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: Учебное пособие-практикум. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2007. 432 с.
10. Макаренко А.С. Цель воспитания: Учебное пособие. М.: Педагогика, 1984. 380 с.
11. Малер М., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011. 412 с.
12. Русаковская О.А. Проблемы судебно-психиатрической экспертизы по искам об ограничении родительских прав лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2018. № 6. С. 27–34.
13. Русаковская О.А., Калашиникова А.С., Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С. Актуальное состояние и проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 1. С. 24–36. doi:10.47877/1560-957X-2021-10103
14. Русаковская О.А., Новикова-Грунд М.В., Андрианова С.Б. Психосемантический подход к оценке родительского отношения [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. С. 27–35. doi:10.24411/1560-957X-2019-11933.
15. Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К. Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml> (дата обращения: 15.01.2022).
16. Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. М.: КСП+; СПб: Ювента, 1999. 347 с.
17. Сатир В. Психотерапия семьи. СПб: Речь, 2000. 283 с.
18. Сафуанов Ф.С. [и др.]. Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 115–132. doi:10.17759/psylaw.2022120110
19. Сафуанов Ф.С. [и др.]. Метод исследования взаимодействия родителя с ребенком в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе по семейным спорам между родителями о воспитании ребенка [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 4. С. 36–47. doi:10.47877/1560-957X-2021-10405
20. Смирнова Е.О. Теория привязанности. Концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 139–150.
21. Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3 (35). С. 93–106.
22. Ainsworth M. Attachment: Retrospect and prospect // С.М. Parkes, J. Stevenson-Hinde (eds.). The place of attachment in human behavior. N.Y., 1982.

Полкунова Е.В.
Применение методики «Родительское сочинение»
в целях установления родительского отношения
при проведении судебной психологической экспертизы
по спорам, связанным с воспитанием детей
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 39–51.

Polkunova E.V.
Application of the “Parent Essay”
to Study Parental Attitudes
in Forensic Psychological Examination

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 39–51.

References

1. Bodalev A.A., Stolin V.V. *Obshchaya psikhodiagnostika*. Saint Petersburg: Rech', 2000. 440 p. (In Russ.).
2. Bowlby J. *Privyazannost' [Attachment]*. Moscow: Gardarika, 2003. 447 p. (In Russ.).
3. Varga A.Ya. *Struktura i tipy roditel'skogo otnosheniya: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk*. Moscow, 1987. 25 p. (In Russ.).
4. Varga A.Ya. *Test-oprosnik roditel'skogo otnosheniya*. In A.Ya. Varga, V.V. Stolin (eds.). *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy*. Moscow: MGU Publ., 1988. 128 p. (In Russ.).
5. Istratova O.N. (ed.). *Diagnostika i korrektsiya detsko-roditel'skikh otnoshenii: Praktikum*. Rostov-on-Don: Feniks, 2017. 316 p. (In Russ.).
6. Druzhinin V.N. *Psikhologiya sem'i*. 3rd ed. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2000. 208 p. (In Russ.).
7. Iskoldsky N.V. *Issledovanie privyazannosti rebenka k materi. Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 1985, no. 6, pp. 146–152. (In Russ.).
8. Kernberg O.F. *Agressiya pri rasstroistvakh lichnosti i perversiyakh [Aggression in Personality Disorders and Perversions]*. Moscow: Klass, 1998. 368 p. (In Russ.).
9. Liders A.G. *Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i: Uchebnoe posobie-praktikum*. 2nd ed. Moscow: Akademiya, 2007. 432 p. (In Russ.).
10. Makarenko A.S. *Tsel' vospitaniya: Uchebnoe posobie*. Moscow: Pedagogika, 1984. 380 p. (In Russ.).
11. Mahler M.S., Pine F., Bergman A. *Psikhologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladentsa. Simbioz i individuatsiya [The Psychological Birth of the Human Infant. Symbiosis and Individuation]*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2011. 412 p. (In Russ.).
12. Rusakovskaya O.A. *Problemy sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy po iskam ob ogranichenii roditel'skikh prav lits s psikhicheskimi rasstroistvami [Problems of forensic-psychiatric assessment in litigation over limiting parental rights of individuals suffering from mental disorders]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2018, no. 6, pp. 27–34 (In Russ.).
13. Rusakovskaya O.A., Kalashnikova A.S., Kharitonova N.K., Safuanov F.S. *Aktual'noe sostoyanie i problemy kompleksnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po sporam o vospitanii [The current state and problems of complex psychological and psychiatric evaluation in child custody disputes] [Elektronnyi resurs]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 1, pp. 24–36. doi:10.47877/1560-957X-2021-10103 (In Russ., abstr. In Engl.).
14. Rusakovskaya O.A., Novikova-Grund M.V., Andrianova S.B. *Psikhosemanticheskii podkhod k otsenke roditel'skogo otnosheniya [The psychosemiotic approach towards assessment of parental attitude] [Elektronnyi resurs]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2019, no. 4, pp. 27–35. doi:10.24411/1560-957X-2019-11933 (In Russ., abstr. In Engl.).
15. Rusakovskaya O.A., Safuanov F.S., Kharitonova N.K. *Aktual'nye voprosy uchastiya spetsialistov v sudebnykh sporakh o vospitanii detei razdel'no prozhivayushchimi roditelyami [Current issues of experts' participation in child custody in the event of parents' separation] [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2011. Vol. 1, no. 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml> (Accessed 15.01.2022). (In Russ.).
16. Sullivan H.S. *Interpersonal'naya teoriya v psikhiatrii [The Interpersonal Theory of Psychiatry]*. Moscow: KSP+; Saint Petersburg: Yuventa, 1999. 347 p. (In Russ.).

Полкунова Е.В.
Применение методики «Родительское сочинение»
в целях установления родительского отношения
при проведении судебной психологической экспертизы
по спорам, связанным с воспитанием детей
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 39–51.

Polkunova E.V.
Application of the “Parent Essay”
to Study Parental Attitudes
in Forensic Psychological Examination
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 39–51.

17. Satir V. *Psikhoterapiya sem'i*. Saint Petersburg: Rech', 2000. 283 p. (In Russ.).
18. Safuanov F.S. et al. *Vzaimodeistvie rebenka s roditelem: sudebno-psikhologicheskie ekspertnye otsenki* [Parent-Child Interaction: Forensic and Psychological Expert Evaluations.] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 115–132. doi:10.17759/psylaw.2022120110 (In Russ.).
19. Safuanov F.S. et al. *Metod issledovaniya vzaimodeistviya roditelya s rebenkom v kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertize po semeinyim sporam mezhdru roditelyami o vospitanii rebenka* [The method of studying the interaction of a parent with a child in a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of family disputes between parents about the upbringing of a child]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 4, pp. 36–47. doi:10.47877/1560-957X-2021-10405 (In Russ.).
20. Smirnova E.O. *Teoriya privyazannosti. Kontseptsiya i eksperiment. Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 1995, no. 3, pp. 139–150 (In Russ.).
21. Kharitonova N.K., Safuanov F.S., Vostroknutov N.V., Rusakovskaya O.A. *Metodologicheskie osnovy provedeniya kompleksnykh sudebnykh psikhologo-psikhiatricheskikh ekspertiz pri sporakh o prave na vospitanie detei. Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2014, no. 3 (35), pp. 93–106 (In Russ.).
22. Ainsworth M. *Attachment: Retrospect and prospect*. In Parkes C.M., Stevenson-Hinde J. (eds.). *The place of attachment in human behavior*. N.Y., 1982.

Информация об авторах

Полкунова Елена Владленовна, ведущий государственный судебный эксперт, Тамбовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России (ФБУ Тамбовская ЛСЭ Минюста России), г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Polkunova, Leading State Forensic Expert, Tambov forensic laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Tambov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Получена 30.04.2022
Принята в печать 30.06.2022

Received 30.04.2022
Accepted 30.06.2022